

**Этнонимы народов Прикамья
в живой диалектной речи русских**

Прикамье называют многонациональным краем. Как коренное население данной местности сформировались коми-пермяки. Предки других народов – русских, татар, башкир, удмуртов, марийцев – пришлые.

В живой диалектной речи русских употребляются как новые, официальные этнонимы, так и старые: *вогул*, *остяк*, *вотyak* и т.д.

Рассмотрим разные аспекты функционирования этнонимов в живой диалектной речи.

Употребление этнонимов в этнонимическом значении. Многочисленно в Пермской области финно-угорское население. Многие носители русских говоров (особенно старшего поколения) не знают и не употребляют новых этнонимов – *ханты*, *манси*. Им привычнее старые – *остяки*, *вогулы*: «Не помню ханты, манси»; «Не видал, не знаю ханты, манси»; «Ханты, манси не было. Вогула были»; «Не видала хантов, мансей»; «Ханты, манси не слышал – вогулы вот были» (д. Акчим Красновишерского района).

Реже можно обнаружить знание и старых, и новых этнонимов: «Манси и вогулы – это одно и то же. У нас их вогулами вообще зовут»; «Остяки – они фактически не вогулы» (д. Акчим Красновишерского района).

В деревне Акчим до XX в. сохранились рассказы о населяющих в прошлом край *вогулах*: «Когда-то, говорят, вогулка въезжала на гору, на Писанку»; «Два вогула привели вогулку, свою девчонку. Она в совике, как куколка. Оне, косы, лежат не так, и длинные, и наплетут всего». Существует собирательная форма данного этнонима – *вогульё*: «А вот вогульё, раньше-то, деда сказывали – дак оне раньше

ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножам так его р-раз»ⁱ.

Нередко этнонимы выступают в качестве прозвищ. Так, «жители деревни Остяцкого на реке Вишере осознавали себя русскими. Но в связи с тем, что соседнему населению было известно об их нерусских корнях (деревню в XVI веке основывали остяки-угры), они получили прозвище остяки»ⁱⁱ.

Жителей с. Усть-Улс называют *вогулами*: «Вогулы в Усть-Улсе такие, как мы, русские, да вогулы прозвишшо у их, а так – какие они вогулы» (д. Акчим).

Знают носители говора и о том, что представители *манси* почти все ушли из этих мест: «На Урале вогулы-то ишо есь, болтаются так человека два, можот, до пятка, а так все перевелись, нету вогулов».

Кроме старых этнонимов *остяки*, *вогулы* бытуют в говорах и названия *самоеды*, *шайтаны*: «У нас отец колды-то лошадь им, этим вогулам продавал. Шибко они лошадей наказывают – ножом проткнут и кровь пьют, вот их и называли самоедыма»; «До етех людей жили самоеды али вогулы»; «А всяко называли – и вогулами называли, и самоеды, шайтаныма ишшо»; «На моей памяти их всяко называли – и шайтаныма, и самоедыма. А живут они где-то на камню за Уралом. Если их не обилят – они хлебосольные» (д. Акчим).

Как и слова нарицательные, этнонимы могут употребляться с уменьшительными суффиксами: «Зимой стыдится эта зыряночка, улеглась в сениях спать» (д.Акчим).

Еще один финно-угорский народ, живущий в Прикамье – *удмурты*.

Функционируя в диалектной речи, этнонимы, естественно, подчиняются законам диалекта. Например, в произношении отмечается упрощение групп согласных: «Он удмур был какой-то».

Хорошо представлено в Прикамье тюркское население – *татары, башкиры, чуваш*. Встречается в говорах форма – *татар*: «Если он настоящый татар, мы его так не назовём. А один между другим скажем когла и: татарин ты! А кто он и почему татарин – не понимаю» (д. Акчим). Как видно из этого примера, у народа существуют этические нормы употребления этнонимов – «в глаза» нельзя.

Одним из наиболее распространенных в речи жителей является этноним *русский*. Интересно, как по языку идентифицируют себя русские: «Вот мы люди русские, у нас по Вишере разговор однакой». Даже жителей Украины в зависимости от знания русского языка называют по-разному: «Если украинец приедет и свой разговор – то хохол, а если разговор русский – то украинец» (д. Акчим).

Можно проследить деление на этнические группы внутри русского населения. Так, русских, являющихся коренными уральцами, называют *челдоны (чалдоны)* – в противоположность *кацапам* – выходцам из центральной России: «Я чалдон – я спокон веков здесь рождён»; «Местных называют чалдон»; «Я коренная акчимская челдонка». Слово *челдон* имеет оттенок значения «настоящий русский». Существуют выражения «челдонская баня», «челдонский язык», «челдонские щи»: «В челдонскую баньку – в русскую значит»; «Челдонский – это настоящий русский язык»; «Шти-те чалдонские беда хороши мне». От данного слова образован своеобразный топоним – Чалдония: «Пусть вас в Чалдонии нашей поедят комары». Однако слово «челдон» имеет и негативный оттенок значения – «лесной», «необразованный человек»: «Все да не все правильно говорим. Челдоны-то челдоны и есть – необразованные люди»; «Сижу, пол-то не вымела – чалдонка и есь – не образованны, не выученны».

Этнонимы в нарицательном значении. От многих этнонимов образованы нарицательные слова живой диалектной речи.

Например, от корня «татар» – слово «татарка»: 1) мужская и женская зимняя верхняя одежда особого покроя: «Татарка – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут, пышны рукава с грибочками, воротник из матерьялу» (д. Тюлькино Соликамского района); 2) травянистое растение: «Татарка на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась» (д. Дуброва Еловского района).

Одной из важных особенностей функционирования этнонимов является наличие у них дополнительных значений. Оппозиция «свой-чужой» – одна из основных в системе этнонимов любого языка. Поэтому слово «нерусский» имеет значение «не такой, как все, плохой, бестолковый, злой».

Этнонимы в составе устойчивых сочетаний. Этнонимы могут являться основой народных фразеологизмов. Существует в говорах фитонимы с этнонимическим прилагательным. *Татарские мыльца* – травянистое лекарственное растение: «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала» (Опалиха Кишертского района); «От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листочки узкие, длинные»ⁱⁱⁱ.

Широко распространенное слово, этноним *русский* вошел в устойчивые сочетания терминологического характера. Так, в диалектной речи отмечены сочетания «русская печь», «русский танец», «русский сарафан»: «У русской печки вот этак полено на полено кладут»; «В русской бане бывал?»; «Сарафан у тебя чисто русский». Этноним «русский» входит и в название сорта картофеля – «русская красная»: «Мичуринку-то уж годов пятнадцать садим, а то все русскую красную садили» (д. Акчим).

Интересен фразеологизм: *обуть в русские лапти* – «обмануть», «перехитрить»: «Я говорю Наталье: обуёт она Татьяну в русские лапти»^{iv}.

Этнонимы в фольклоре. Значение этнонима *русский* – «людской», «человечий», отмеченное в словаре В.И. Даля, – бытует в противопоставленном прилагательном «нерусский» и в фольклоре Прикамья: «Великан пришел и говорит: нерусским духом пахнет» (записано в д. Акчим).

В прикамском фольклоре существуют особые формы этнонима «татары» в единственном числе мужского рода – «татарянин», «татарчанин»^v.

Этнонимы могут являться основой поговорок, рифмованных сочетаний.

Встречаются этнонимы и в названиях народных игр, например, «Играть зыряном» – старинная массовая игра: «Мы раньше ишшо зыряном играли, ноне уж так-ту не играют, о святках одного средят, долгущего, остальные над им галятся».

Представлена этнонимия в календарной обрядности, например, в новогодней: «Семья выходит на улицу, берет палки и начинает ходить вокруг дома, своего хозяйства, говоря: новый год пришел, приплод принесет: овце – ягненка, лошади – жеребенка, корове – теленка, свинье – поросят. Так говорят два раза, а на третий начинают стучать палками по стенам да говорить: новый год пришел, *чуд* вон пошел» (с. Левичи Косинского района).

Легенды о *чуди*, чудском населении Пермского края еще помнят некоторые старожилы. *Чудь* – древний народ, об этнических корнях которого до сих пор спорят ученые (скорее всего, это предки современных коми-пермяков и коми-язьвинцев), назывался в народе и *чучками*, и *чучмеками*, и *чучкарями*. Эти слова вошли в устойчивые сочетания.

Люди-чуди – говорят о людях, ранее населявших Прикамье: «А кто-то тут раньше жил, какие-то люди-чуди; пол в

избе не был, как вогулы жили» (Антипино Красновишерского района); Чучкая изба – то же, что черная изба, дымная изба: «Мы раньше, я маленька была, жили в чучкой избе – пол прямо на землю настлан, печка прямо в избу топилась»^{vi}.

Во многих вариантах преданий повествуется, что *чуды* заживо похоронили себя в ямах. «Раньше здесь жили чуды. Это был славный народ. Чудские девушки были черноволосые и чернобровые и очень изящные. Косы у них свисали до колен, такие длинные были. Но вот услышали чуды, что на них надвигается страшное несчастье. Тогда храбрые и гордые люди решили умереть своей смертью. Они вырыли большие и глубокие ямы. Внутри поставили столбы, поверх настлали плахи и на них наносили землю. Когда подземные срубы были готовы, чуды семьями зашли туда. Затем чудские мужчины столбы свалили, и плахи с земляной насыпью задавили чудов. Так этот маленький народ будто бы живой ушел в землю. На смену ему пришел новый народ»^{vii}.

Таким образом, рассматривая функционирование этнонимов в живой диалектной речи русских, можно выделить следующие его аспекты:

– употребление этнонимов в этнонимическом значении; использование этнонимов в нарицательном значении; функционирование этнонимов в составе устойчивых сочетаний; употребление этнонимов в фольклорных текстах (песнях, поговорках, названиях игр и т.д.).

ⁱ Словарь говора деревни Акчим Пермской области. Вып. 1. Пермь, 1984. С. 137.

- ⁱⁱ *Чагин Г.Н.* Присловья Чардынской земли // Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала. Соликамск, 1996. С. 99.
- ⁱⁱⁱ *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. С. 226.
- ^{iv} Там же. С. 243.
- ^v Камская вольница. Исторический фольклор Прикамья. Пермь, 1977. С. 71–72.
- ^{vi} *Прокошева К.Н.* Указ. соч. С. 153.
- ^{vii} *Кривошекова-Гантман А.С.* К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. I. Пермь, 1974. С. 134.